

Вейдер оглядел мрачную подземную комнату. Дом, что он привез с собой, был невелик, но здесь, в тишине, он мог уединиться для медитаций. — Не тревожить, — бросил он Шми и Энакину, оставляя их за порогом. Сила больше не указывала ему путь, не шептала решения. Он сам должен был разобраться, что лучше для этой новой, хрупкой семьи, что так неожиданно возникла в его жизни. Но как? Как стать отцом, когда прошлое, словно призрак, преследовало его, напоминало о неудаче, о боли? В груди вспыхнула паника, но Вейдер, сжав кулаки, заставил себя сделать глубокий вдох. Он знал: чтобы принять решение, нужно разобраться с прошлым, с теми тенью, что таились в его сердце. Люк не знал, и никогда не узнает, но Вейдер с первого взгляда узнал в принцессе Лее свою жену. Узнал на той первой встрече в Сенате, где, как он тогда понял, Сидиус солгал ему, заставив поверить в ее гибель. Но Вейдер молчал, запертый в своей роли, не в силах бороться с Императором, а в какой-то мере и не желая этого. Дочь была так похожа на Падме — сильная, решительная, отстаивающая свободу своего народа в этом Сенате, который был всего лишь жалкой шарадой. Она казалась счастливой, и Вейдеру это нравилось. Пока не узнал о ее связи с повстанцами. Услышать это было почти так же больно, как предательство Падме, когда она привела к нему Оби-Вана, чтобы тот убил его. Но Падме этого не делала, не знала, и Вейдер, убедившись в этом, снова и снова давал Лее сбегать, придумывать неубедительные оправдания, отводя от нее подозрения. Восстание было всего лишь досадной помехой, не представляющей реальной угрозы для Империи. Вейдер никогда не одобрял идею создания Звезды Смерти — этой гигантской станции, способной взорвать целую планету. Он, командующий имперским флотом, видел в ней попытку заменить его, лишить его власти. Он был оскорблен — у каждой машины есть слабость, ее можно сломать. Как эта станция, какой бы могущественной она ни была, могла сравниться с силой Силы? Его раздражало, что он отвечал за защиту этого чудовища. И когда планы Звезды Смерти были украдены, он испытал почти облегчение. Но они попали в руки его дочери, и он не мог отпустить ее, не дав Императору узнать, кто она. С того дня для всех стало ясно, что Лея — мятежница. Именно поэтому он... перепрограммировал ее. Обычно он не прибегал к подобным методам. Это был любимый инструмент Сидиуса, чтобы держать в узде своих красногвардейцев, десниц и даже Великих Моффов. Но Вейдер предпочитал верность. Иногда он обращался повстанцев в шпионов, но никогда не делал этого с теми, кто ему нравился. Ну, насколько это вообще было возможно для ситха. Он мучил Лею, ослаблял ее тело, ничего не делал, когда Таркин взорвал Альдераан, чтобы сломить ее дух, пока не осталась лишь хрупкая оболочка. Затем он вошел в ее разум, копаясь в ее воспоминаниях. Сначала он пытался найти способ обратить ее на свою сторону. Она была слишком стара для обучения Силе, но не беспомощна. Ее сердце было чистым, таким же чистым, как у Падме. Вейдер знал, что, чтобы обратить ее, придется уничтожить ее личность, а на это он не был способен. Вместо этого он заложил в ее разум несколько идей. Он поделился с ней своими знаниями, усилил ее природные лидерские качества, внушил ей страх перед Звездой Смерти, чтобы она никогда не пыталась вернуться на нее. Он вдалбливал в ее голову крошечные кусочки информации — планы строительства, карты, имперскую стратегию. Не настолько, чтобы она могла использовать их в бою, но достаточно, чтобы выпутаться из сложной ситуации. Он знал, что она использует эти знания против него, что дает врагу мощное оружие. Он все еще был полон решимости уничтожить повстанцев, но Лея... он хотел, чтобы она сбежала. И тогда появился Люк, существование которого стало неожиданностью даже для него самого, и в его сердце затеплилась новая надежда. Люк был обучен как джедай (позже Вейдер узнал, как поверхностно), возможно, он действительно окажется достаточно сильным, чтобы встать на его сторону. Если дочь была похожа на Падме, то, может быть, сын больше похож на него? В какой-то мере он им и был — отличный пилот, жаждущий приключений и даже величия, любящий свою семью. Его не обучали джедайскому искусству, и все же он был... упоительно... светлым. Наблюдая за тем, как его сына пытаются до смерти, Вейдер понял, что Люк способен освободиться, выжить, но только если обратится к темной стороне. Он отдал бы свою жизнь, позволил бы Люку убить его, занять его место, если бы только так Сидиус оставил

его в живых. Но Люк отказывался. Он скорее умрет, чем обратится, как это произошло на Беспине. На мгновение Вейдера это озадачило, пока он не вспомнил свою юность, когда и он так думал. Он спрашивал себя, зачем кому-то отдавать неограниченную власть, позволять своему разуму и телу разрушаться без борьбы. Он оглянулся на свою жизнь во тьме, на ужасную боль, что ежедневно испытывал от полученных ран, на крики и кровь, что преследовали его во сне, на разочарование, когда понял, что дети не хотят иметь с ним ничего общего. Внезапно он слишком хорошо понял, почему Люк предпочел умереть, чем стать таким, как он. Когда он схватил Сидиуса, чтобы сбросить его в шахту лифта, он не думал об этом. Если бы он подумал, Лорд ситхов уловил бы его намерение через их связь и убил бы еще до того, как он приблизился. Но он уже был близко, совсем рядом, и Сидиус не ожидал этого. Вейдер был потрясен своим поступком не меньше, чем он сам. И все же, даже умирая, он не мог заставить себя пожалеть о своем выборе. Да, он оставил сына одного. Он был так слаб, и теперь Империя погрузится в хаос. Сидиус никогда не позволял советникам или сенаторам становиться серьезными соперниками, так что у повстанцев были все шансы захватить власть. Если они это сделают, Империя начнет сражаться. Люк уже сражался с повстанцами, но, по правде говоря, это была жалкая группка, не более чем помеха. Они никогда не пытались сделать что-то большее, чем уничтожить имперское оружие и освободить пленных. У них не было ни одной планеты, которая поддерживала бы их открыто (Альдераан тоже планировал, но...), и им приходилось прятаться во Внешнем кольце. Если они возьмут власть, страну охватит гражданская война, о которой Сидиус всегда предостерегал его. Его сына ждали десятилетия кровопролития, в десять раз более жестокие, чем те случайные столкновения, что выпадали на его долю до сих пор. Хот был лишь тенью того, что предстояло. И все же Вейдер не жалел о своем выборе. Хотя Люк был слаб в бою, он обладал силой духа, невиданной ни у кого. Лорд ситхов всегда будет сильнее джедая, ибо темная сторона дает человеку могущество, превосходящее естественное. Но среди ситхов всегда царило неписанное правило: их могло быть только двое. И даже между ними предательство стало традицией, а не исключением. Джедай же мог объединить силы с любым количеством союзников, умножая свою мощь. Лорд ситхов мог стоять десяти джедаев, но даже у него не было шансов против сотни. Друзья Люка и его способность привлекать людей на свою сторону станут его щитом в грядущей войне. Вейдер был рад, что позволил ему сражаться в одиночку, ибо знал: даже будучи живым, он не смог бы помочь ему в этом. С этой мыслью он впервые почувствовал, что готов отпустить его.